

*"О, дивное чудо! источник жизни во гробе
полагается, и лествица к небеси гроб бывает".*

(Стихира на Успение).

Велик и радостен для христиан православных праздник Успения Пресвятой Богородицы. С древнейших времен христианских, как и самое почитание Приснодевы, ведет он свое начало. Уже в IV столетии упоминается о нем в сочинениях Бл. Иеронима и Бл. Августина, причем Бл. Иероним свидетельствует, что на гробе Богоматери построен был храм. В V веке Св. Анатолий Константинопольский, в VIII веке св. Иоанн Дамаскин и св. Косма Майумский, а в IX в. св. Феофан Никейский составили вдохновенные песнопения

в честь этого праздника, который издревле почитался великим, дванадесатым, вселенским праздником всей Христианской Церкви. В церковных песнопениях, которые поются у нас доселе, праздник Успения Пресвятой Богородицы именуется «знаменитым», «торжественным», «Божественным праздником».

Чему же так радуется Св. Церковь в день этого праздника? Ведь в этот день воспоминается смерть Божией Матери, а смерть, как это обычно принято считать у людей, есть событие скорбное, печальное, но вовсе не радостное?

Радуется Св. Церковь в день праздника Успения Пресвятой Богородицы потому, что во успении Своем Она не только не оставила міра, а наоборот — «преставльшися от земных к небесным», Она стала еще ближе, еще дороже міру, ибо сделалась всеильной Ходатаицей за мір перед престолом Сына Своего и Бога, «в молитвах неусыпающей» и «в предстательствах непреложным упованием» (см. кондак Успения).

Смерть Ее была лишь коротким переходным моментом в Ее жизни, именно «успением», то есть временным сном, после которого Она возстала уже к новой, вечной и нетленной жизни, воскрешенная Божественною силою Сына Своего и Бога. Вот почему Бл. Иероним называет праздник Успения «торжеством, несравненным с празднествами святых», «ибо в оный», говорит он, «Спаситель всех Сам во всей Своей славе с радостью сретил и вселил Матерь Свою с Собою». «Она как бы сном на малое время смертью уснула, вскоре от нея, яко от сна, воспрянула, и мертвость гробную, как сонное от очес дремание оттрясши, узрела бессмертную во свете лица Господня жизнь и славу».

А что это было действительно так, в этом воочию убедились св. Апостолы Христовы уже на третий день после Ее кончины.

По особому промыслу Божию, св. Апостол Фома не был при успении и погребении Божией Матери. Пришедши только на третий день в Гефсиманию, где была погребена Она, св. Фома с плачем повергся перед гробовой пещерой, громко, жалостным воплем выражая свою глубокую скорбь о том, что он не удостоился попрощаться с Божией

Матерью и получить от Нее Ее последнее благословение. Желая доставить ему утешение, Св. Апостолы решились открыть пещеру, дабы он мог поклониться останкам Приснодевы. И вот — тела Пресвятой Богородицы там не оказалось: лежали одни только погребальные пелены Ее, которые издавали чудное благоухание. В тот же день вечером, св. Апостолы, беседуя между собою за трапезою о том, как не нашлось во гробе Святого тела Богоматери, услышали вдруг ангельское пение и неожиданно, подняв взоры к небесам, узрели там Пресвятую Деву, «живу, со множеством ангелов стоящую и неизреченною славою осияваемую. Яже и рече к ним: радуйтесь!».

Вот, где причина нашей радости в день великого праздника Успения Пресвятой Богородицы: мы радуемся безмерной славе Той, Которая удостоилась стать Матерью Бога нашего и сделалась «Честнейшей Херувим и Славнейшей без сравнения Серафим», — мы радуемся и тому, что гроб Ее подлинно стал «лестницей к небеси», не только для Нее Самой, но и для всех нас, несомненно уповающих на Нее, как на «Предстательство христиан непостыдное и Ходатайство ко Творцу непреложное».

Безмерна и несравненна слава Пречистой Матери Божией, ибо хотя и умерла Она, подобно всем смертным людям, покоровшись общему закону смерти, но не видела тления: пречистое тело Ее, «возвысив на небеса возведе Иисус, Сын Ея и Спас душ наших».

Но ведь и все люди, искупленные драгоценною Кровью Сына Ее, призваны к наследованию вечной небесной славы, вечного блаженства.

В этом и только в этом, как ясно учит нас Слово Божие, состоит наше предназначение, к этому должны быть устремлены все наши мысли, чувства и пожелания, в постоянной подготовке себя к этому должна проходить вся наша временная земная жизнь — в неустанном стремлении к этой конечной цели должны видеть мы весь смысл нашей жизни.

Ведь и для всех нас смерть есть не более, как временный сон — «успление», после которого мы пробудимся к вечной жизни, ибо все мы, как христиане, веруем и ожидаем «воскресения мертвых и жизни будущего века» (см. конечные слова нашего Символа Веры), а кто в это не верует, тот и не христианин.

И мы знаем, что все истинные христиане во все времена так именно и смотрели на смерть, которая сама по себе была для них не страшной, а наоборот — радостной, как вожделенный для них переход к лучшей жизни, что так прекрасно выражено во вдохновенных словах умилительной молитвы св. Василия Великого на вечерни в день Пятидесятницы: «Несть убо, Господи, рабом Твоим смерть, исходящим нам от тела, и к Тебе Богу нашему приходящим, но преставление от печальнейших на полезнейшая, и сладостнейшая, и на упокоевание и радость».

Вот почему смерть и именуется у нас, христиан, «преставлением», а недавно умершие — «новопреставленными».

Такой взгляд на смерть был и у великого Апостола языков св. Павла, прошедшего с проповедью Евангелия всю вселенную. «Для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение», говорил он (Фил. 1, 21), а потому он и выражал желание «разрешиться (от уз плоти) и быть со Христом, потому что это несравненно лучше» (Фил. 1, 23).

Неудивительно поэтому, что целые сонмы мучеников христианских на протяжении почти трех веков с такой радостью шли на страшные мучения и смерть за Христа, а Св. Церковь отмечала радостным празднованием те дни, в которые они сподобились мученической смерти, называя эти дни «днями рождения» их.

Так ли и теперь настроены все современные христиане?

Все ли они смотрят на эту временную земную жизнь только как на подготовку к новой — лучшей будущей жизни, все ли они с радостью ожидают наступления своего последнего смертного часа?

Увы! страшно сказать до чего теперь извращены все понятия в современном христианском обществе — даже среди христиан православных, даже среди самих руководителей их духовной жизни и носителей священного сана, казалось бы, обязывающего хотя бы мыслить правильно по-христиански, если нет сил так жить.

Мы живем в страшное время, когда самые понятия христианские, здравые и истинные, подменяются понятиями фальшивыми и ложными, зачастую злонамеренно изобретаемыми, с несомненной целью, конечно, отклонить людей от правого пути истинно-христианской жизни. Во всем этом видна какая-то планомерно-действующая черная рука, которая стремится как можно крепче привязать людей к этой временной земной жизни, заставив их забыть о неизбежно всех нас ожидающей жизни будущей, жизни вечной.

Так например, достаточно кому-нибудь начать регулярно ходить в церковь, молиться Богу дома, соблюдать посты, вести себя целомудренно и воздержно, уклоняясь от всех современных, столь нескромных развлечений и увеселений, как окружающие сейчас же набрасываются на него с насмешками и укоризнами: «Да, что ты? в монахи что ли собрался? или хочешь показаться перед нами каким-то праведником, святошей?» Это и прежде бывало, но никогда в такой мере, как теперь, когда — увы! — и некоторые современные пастыри, либерально и модернистически настроенные, относятся к подобным подвижникам благочестия (иначе их в наше время и не назвать!) явно неодобрительно.

Стоить пастырю, желающему только честно и добросовестно исполнять свой пастырский долг, без всяких поблажек и уступок современной моде и развращенным нравам, начать учить своих пасомых истинно-христианскому пути жизни, как сейчас же весьма многие из современного мнимо-христианского общества обрушиваются на него со всею силою ожесточенного озлобления, начинают всячески хулить и порочить его, стремясь его дискредитировать в глазах остальных и подорвать его пастырский авторитет.

И наоборот — теперь многим нравятся пастыри, которые, принаравливаясь к вкусам, взглядам и настроениям современной расцерковленной толпы, унижают высокий христианский идеал жизни, едва ли не втоптывают его в грязь, фальшиво подменяя и извращая все подлинно-христианские понятия, лишь бы только кому-то угодить. Весьма ошибочно видеть здесь то «пастырское применение», основываемое на словах св. Апостола Павла: «всем бых вся, да всяко некия спасу» (1 Кор. 9, 22), которое рекомендуется пастырю для успеха его святого дела, ибо такое «пастырское применение», как ясно видно из тех же слов св. Апостола, должно иметь свою меру: применяясь к немощи своих пасомых, пастырь не смет доходить до того, чтобы становиться «беззаконником Богу» (9,21).

Это не «пастырское применение», а просто искание сомнительной популярности,

дешевая демагогия в духе столь строго обличаемых в кн. св. пророка Иеремии и св. пророка Иезекииля лживых пророков.

«Горе безумным пророкам, которые водятся своим духом», говорит Господь: «и предвещают ложь (Иезек, 13, 3-6). Не слушайте слов пророков, пророчествующих вам: они обманывают вас, рассказывают мечты сердца своего, а не от уст Господних». «Они говорят: мир! мир! когда нет мира. Я не посылал пророков сих, а они пророчествовали сами от себя» (Иерем. 23, 16-32). «Вот Я на пророков, говорит Господь, которые действуют своим языком, а говорят: «Он сказал» (Иерем. 23, 30). «И будет рука Моя против этих пророков, видящих пустое и пророчествующих ложь» (Иез. 13, 9).

Совершенно справедливо говорит наш выдающийся гомилет профессор Киевской Духовной Академии проф. В. Ф. Певницкий, что истинный пастырь не должен поддаваться заманчивой идее примирения христианства с современностью, и что «нельзя допускать ни малейшего изменения начал веры Христовой», «никакой уступки в виду ходячих заблуждений времени, никакого послабления строгих требований евангельского закона, в виду понизившейся нравственности и нежелания подчиниться им со стороны разслабленной воли» («Церковное Красноречие и его основные законы» стр. 164). Нельзя проповедывать какое-то «новое христианство», «христианство разжиженное и разслабленное», ибо задача пастыря не в том состоит, чтобы принижать высокие требования Божественного Закона до уровня понизившейся жизни, но в том, чтобы эту понизившуюся жизнь возводить до той высоты, на которой она должна стоять, по требованию Слова Божия и указанию Церкви (см. там же).

Раньше были только отдельные попытки такой проповеди, а теперь мы лицом к лицу стали перед таким достаточно уже мощным и сильным, в виду общего падения нравственности, направлением «нео-христианства», как откровенно нарекли его сами сторонники этого направления.

На этой именно почве, главным образом, и возникли у нас церковные расколы в нашей Русской Церкви в Советской России и за границей, на этой именно почве ширится и движение так называемого «экуменизма» и стремление к объединению всех христианских и даже нехристианских вероисповеданий — объединению не в Истине, а во лжи. Усиленно проповедуется мир там, где нет и не может быть для истинного христианина мира.

В полной мере исполняется то, что говорил еще в начале нынешнего столетия наш благочестивый профессор: «Не нравится то, что служители Церкви влекут людей к Небу, а забывают о земле, — говорят о спасении души и вечном блаженстве, а не думают устроить земное благополучие, водворять царствие Божие на земле, — царство Божие, понимаемое ими своеобразно, как культ плоти и признание нормальными требований того закона, сущего во удех наших, который св. Апостол противопоставляет закону Божию и прямо называет «законом греховным» (Рим. 7, 22-23) (см. в той же книге стр. 168).

Современные «христиане» хотят, чтобы пастыри не стесняли греховных стремлений человеческой природы, и только под этим условием согласны войти в единение с Церковью и жить ее жизнью. И вот находится теперь немало «пастырей», которые готовы идти на такой преступный компромисс, во имя чего и устраиваются в наше время всякие «примирения» и «объединения» и замышляются даже грандиозные «реформы» в Церкви в мировом масштабе, с каковой целью предполагаются созывы всяких «предсоборных совещаний» и чуть ли не «вселенского собора» в недалеком будущем.

Каково должно быть наше отношение ко всему этому?

Ответ на этот вопрос для каждого истинного христианина ясен. Церковь, верная заветам Христа-Спасителя, имеет в виду внутреннего человека, а не внешнего: душу хочет обновить и спасти, а не телу угождать. Поэтому все наши мысли, чувства и пожелания должны быть направлены в сторону будущей ожидающей нас вечной жизни, а не в сторону забот о наилучшем устройстве нашего кратковременного и быстро исчезающего земного благополучия.

«Господи, даждь ми слезы, и память смертную, и умиление!» — так горячо должны мы, по заповеди св. Церкви, молиться ежедневно, отходя ко сну, который всегда должен напоминать нам неизбежно ожидающую нас смерть, — молиться не одними устами, но и всем сердцем.

И всю жизнь свою строить не иначе, как сообразно с этой молитвой, умоляя Пречистую Матерь Божию, во успении Своем нас не оставляющую: «О Всепетая Мати Безсмертного Царя небесе и земли Христа Бога нашего, живущая и по смерти! В жизни сей и в смертном успении нашем от всякия напасти, бед и муки нас избави, и Небесного Царствия нас, Царице, сподоби!..»

Чему поучает нас Успение Пресвятой Богородицы?